

Проблема, о которой сейчас будет говориться, — **перевод** Священного Писания и богослужебных **текстов** в России — это не просто какая-то жгучая современная проблема, но и проблема существования Церкви вообще, так как она связана с вопросом языка Церкви: на каком языке Церковь будет говорить? И начну с того, что предыдущий докладчик отец Павел говорил о глухих. Так получилось по промыслу Божьему, что первые переводы на русский язык священных, богослужебных, литургических текстов в России сделал слепой переводчик — это был слепой священник Константино-Еленинской церкви Дома призрения в Петербурге отец Гавриил Пакоцкий. Он был слеп, и потому прекрасно понимал на собственном опыте, что такое слепота. Для него было очевидно, что если человек не может глазами увидеть, то на слух он подавно не может ничего разобрать в тех текстах, и вот он их перевел. Причем он начал переводить именно с того, что ему казалось наиболее актуальным и важным, — с Великого покаянного канона святого Андрея Критского. Мою интродукцию завершу тем, что первые синодальные, **официальные переводы** богослужебных текстов **на русский язык** были сделаны как раз для Петербургского училища глухих в конце 19 века, и в этом, конечно, сбывается и пророчество Исайи, которому говорит Господь, что слепые прозревают, глухие слышат, хромы ходят и т.д. Это действительно было так.

Ну а теперь перейдем собственно к нашей теме — к связи **переводческой деятельности** русской церкви в области Священного Писания и в области литургических текстов. Конечно, связь тут прямая и непосредственная, исходя из того, что письменное Предание Церкви неделимо. Нельзя противопоставлять Священное Писание и другое письменное Предание Церкви: и святоотеческие тексты, и литургические тексты, и учебные тексты, и богословские тексты, — это существует неразрывно. И потому проблема переводов Священного Писания и литургических текстов на русский язык возникла в широком контексте языковой ситуации (перелом тут был в 18 веке), когда ни язык богослужения, ни язык Священного Писания, ни язык богословия, ни язык книжности, ни язык святоотеческих текстов уже не мог вполне удовлетворять церковь. И таким образом началась длинная и трудная жизнь и история церковно-переводческой деятельности русской церкви, связанная именно с русским языком, с тем языком, который мы сейчас называем русским. Нам понадобится бросить очень краткий взгляд на историю богослужебных переводов, а потом мы вернемся снова к связи **переводов** Священного Писания и литургических **текстов**.

Краткий очерк таков. Если мы возьмем «Историю русской церкви» Голубинского, мы увидим крайне резкий взгляд на состояние литургических текстов в России аж со времен крещения Руси. Он говорил, что никогда в Киевской Руси не были понятны богослужебные тексты народу — никогда. И он говорит, что это наша русская леньность является причиной того, что мы не сделали ту работу, которую сделали, скажем, болгарские переводчики в свое время — эта знаменитая школа, в которой делались переводы, — детище Кирилла и Мефодия. В Моравии они смогли это сделать в болгарских условиях. Так вот, в России этого не было сделано. И когда мы посмотрим на богослужебные книги 12 века или служебник Варлаама Кутузского (это граница 12-13 веков), то мы увидим, что **переводчики**, так же, как с глухими, брали какой-то сложный библейский образ и одной фразой пытались передать его смысл. Т.е. они не держались буквы. Но до начала 17 века это было не систематично. Что произошло в начале 17 века? Два очень важных события. Одно из них — выход первой богослужебной книги на родном, на народном языке. Это была Киевская Постная триодь конца 1620-х годов, причем в качестве переводчика выступил первый русский ученый-литургист, игумен Тарасий Земка — первый директор Печорской типографии и настоятель Киево-братского монастыря. Конечно, он был в тесных взаимоотношениях с митрополитом Петром Киевским (Могилой), и он дает обоснование своей деятельности, причем совершенно не оправдываясь (у него не было какого-то комплекса, вроде того что «это нельзя, и поэтому я должен оправдываться»). Он пишет, что народ просит иметь богослужебные тексты «на своем штиле» (он так писал). Кардинально было даже не то, что он это сделал. Наиболее кардинальным действием был почти

полный перевод на современный ему язык, прежде всего в Постной триоди, синоксарет, т.е. текстов, которые читаются для научения народа. Он считал, что эти тексты должны быть понятны. Понятно, что это, прежде всего, Священное Писание, которое во время богослужения читается, и синоксарет.

Что было в это же время в России? Уже в середине 30-х годов, после смерти патриарха Филарета Никитича, группа очень влиятельного новгородского духовенства подает челобитную патриарху Иоасафу, который совсем недолго был патриархом, где говорилось, что в народе происходит совершенно жуткое нравственное падение. Они описывают это падение, и говорят, что одна из причин — это непонятность богослужения для народа, непонятность языка богослужения. Мы можем почтить потом у разных людей, близких этому кругу — и у Иоанна Неронова, и у самого протопопа Аввакума, и у очень многих людей, — апологию русского языка: почему русский язык должен был быть в церкви уже тогда. Это очень, очень замечательно, например, апология русского языка у протопопа Аввакума. Она напечатана, и это совершенно удивительное произведение, почти как тургеневское стихотворение о русском языке. И тогда же был канонизирован первый святой, который умучен был специально за **перевод** богослужебных **книг**, за книжную справу. Это преподобный Дионисий Троицкий, настоятель Троице-Сергиевой лавры, который был оплеван, бит, его возили в клетке. Это был тот самый человек, который в Смутное время вдохновил Минина и Пожарского на борьбу за освобождение. В дальнейшем, вы знаете, раскол и книгопечатание — это две причины, которые несколько приостановили книжную справу, хотя, на самом деле, она не прекращалась никогда. И для нас теперь важно то, что ученики киевской школы (а вы знаете, что почти все святые, канонизированные в 17 веке, были, как бы мы сейчас сказали, малороссиянами: это и святитель Димитрий Ростовский, и Иоанн Тобольский) уже знали, что существует разрыв даже в богословском образовании, связанный с тем, что люди с Украины не понимают природного российского языка. Было введено преподавание русского языка в Белгородской коллегии в 18 веке. И в 1762 году состоялось очень важное для русской церкви событие, была завершена идея святителя Тихона Задонского о переводе Нового Завета и Псалтири, он это сделал. И тогда же киевский митрополит Самуил (Миславский) переводит богословское образование в Киево-Могилянской академии на русский язык. Тогда же, вы знаете, уже через 2-3 десятилетия, выходит первая книга Священного Писания Нового Завета на русском языке, это было Послание к римлянам, и тогда же был сделан труд преподобным Паисием Величковским, одна только из нескольких десятков его рукописей, которая является собственно литургической, — это перевод канонов двенадцатых праздников, в одном столбце старый текст, в другом столбце новый текст.

Понятно, что центром письменного Предания Церкви является Священное Писание, и основной удар в **переводческой деятельности**, конечно, выдерживали переводчики Священного Писания. Но очень важно знать, что **переводчики** и святоотеческих **текстов**, и богослужебных **книг**, и Священного Писания были одни и те же, и враги были у них одни и те же. Вот что пишет исповедник российской церкви, очень известный митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский) в бытность свою Рижским архиепископом в «Отзывах епархиальных архиереев». Он считал, что в узком смысле это проблема (**проблема перевода богослужебных текстов**) стала гласной в связи с критикой перевода Священного Писания на русский язык. Архиепископ Рижский Агафангел писал: «уже со времени перевода Библии на русский язык стал с неотложностью вопрос о переводе богослужебных книг на язык, доступный пониманию». Понятно, что литургический язык Православной церкви — это, прежде всего, язык Псалмов, потому что Псалмы очень большое место занимают, и ясно, что после перевода Нового Завета и Псалмов еще до 20-х годов 19 века эта проблема реально встала.

Очень важно, что и враги были те же самые. Я приведу две очень известные цитаты, но это просто интересно, без них трудно обойтись. Вы знаете, что два таких довольно важных деятеля николаевского времени, как адмирал Шишков и генерал Аракчеев, были главными противниками (среди государственных чиновников) переводов Священного Писания. Вот что писал в письме к Аракчееву как раз адмирал Шишков. Известная цитата, что «если Библейские Общества будут по-прежнему существовать и...

умножать только ереси и расколы, если церковные книги для того, чтобы уронить важность их, будут с высокого языка, сделавшегося для нас священным, переводиться неведомо кем и как на простонародный язык (это имелся в виду будущий святитель Филарет), каким мы говорим между собою на театре, если при распространении таких переводов (разве для того только нужных, чтобы со временем не разуместь церковной службы или чтобы и обедни служить на том языке, на каком пишутся комедии), еще, сверх того, с иностранных языков, вместо наших молитв и евангельских нравоучений, переводить будут так называемые духовно-философические... книги, если... все это будет продолжаться по-прежнему, то я министром просвещения быть не гожусь». Это был его ультиматум. Шишков был мудрым человеком, он был очень серьезным и крупным деятелем русской культуры, вы знаете, что его трудно сравнивать с Аракчеевым, но, тем не менее, святитель Филарет размышлял об этом и говорил потом, уже в 60-е годы, когда эта ситуация была решена, когда он добился **перевода** полностью: «Думаю, что восстание против перевода священных книг образовали люди, водимые личными выгодами, которые, чтобы увлечь за собой других благонамеренных, употребляли не только преувеличенные подозрения, но и выдумывали и клеветали».

И, несмотря на то, что противникам перевода уже к середине 20-х годов 19 века удалось добиться победы, переводческая деятельность продолжалась. Когда было запрещено заниматься переводами впрямую, тайно все равно это делалось. Сохранилось письмо епископа Григория (Постникова), Ревельского викария, будущего Петербургского митрополита, который перевел уже в Петербургской академии в 30-40-х годах преподавание с латинского на русский язык, где он писал, что «нам запретили перевод Священного Писания, но мы, однако же, будем продолжать». Это делалось «тайнообразующе». Когда невозможно было напечатать перевод Священного Писания — публиковали его, скажем, в ученых записках духовных академий — как разбор, а в приложениях давали тексты. Когда невозможно было издать перевод богослужебных текстов, то вот что делал святитель Филарет: он богослужебные тексты издавал в «Творениях святых отцов в русском переводе» — журнале при Московской духовной академии. И он так издал много богослужебных текстов. Например, он сам **перевел** известный акафист Божьей Матери, который читается Великим постом на утрене в субботу акафиста, так вот он опубликовал его в «Творениях святых отцов» не как богослужебный текст, а как творение пресвитера Георгия Писидийского.

В предисловии святитель писал: «Некоторые церковные песнопения, превосходные глубиною и полнотою духовного разума, заключенного в кратких изречениях, по сему самому не для всех удобовразумительны, а также и по древности языка. Посему деланы уже были опыты преложения таковых песнопений на русское наречие... Некоторые изъявляли желание иметь русское преложение Акафиста Пресвятой Богородице, как пособие для удобнейшего разумения оного. Такое преложение здесь предлагается».

А теперь нам очень важно знать, что ныне канонизированный святитель Иннокентий Херсонский является инициатором систематического перевода богослужебных книг на русский язык. Он это сделал в конце 20-х годов, когда вдохновил двух выпускников и преподавателей греческого языка академии, будущего протопресвитера кремлевского Успенского собора Михаила Измайловича Богословского и будущего настоятеля Исаакиевского собора в Петербурге протоиерея Иоанна Дмитриевича Колоколова, на перевод. И они начали опять-таки с переводов, прежде всего, канонов двенадцатых праздников и с этого времени, скажем, с 1829-1831 годов, начался систематический перевод богослужебных текстов на русский язык, причем не обсуждалась нужда этого, потому что было крайне мало церковных книг, которые раскупались бы с такой скоростью и требовали стольких переизданий, как **переводы богослужебных текстов на русский язык**. Только каноны Евграфа Ивановича Ловягина, профессора Санкт-Петербургской духовной академии, были три раза переизданы очень большими тиражами за два или три года и все было мгновенно раскуплено, это уже в 60-е годы.

Так вот, что нам важно в этом периоде истории? Не стоял вопрос о богослужении, естественно, все это делалось «тайнообразующе». Т.е. переводы делались, к 70-м годам прошлого века в русской церкви

имелся полный корпус богослужебных книг, кроме миней (все каноны двенадцатых праздников, Е.И. Ловягин в 60-е годы сделал переводы неизменяемых частей богослужения, литургии и т.д., т.е. уже был полный корпус). Но трудно было говорить о **переводе** богослужения **на русский язык** и для церковного сознания была характерна деятельность святителя Феофана Затворника в этом направлении. Он считал, что перевод неотложно необходим, причем на язык, который понятен современному человеку. И переводческие принципы, вы знаете, впервые ясно сформулировал в инструкции переводчикам святитель Филарет Московский, еще когда это понадобилось для перевода Священного Писания, и очень большой развернутый трактат с переводческими принципами богослужебных книг уже сделал епископ Екатеринославский Августин в 80-х годах 19 века. Это блестящая работа, потому что он был очень талантливым переводчиком, и его труды, которые были опубликованы в «Душеполезном чтении», считал образцовыми Феофан Затворник. Он ссылался именно на его труды.

И, завершая тему, скажу вот что. Русская Православная Церковь впервые открыто высказалась по поводу перевода богослужебных текстов на русский язык во время сбора отзывов епархиальных архиереев по вопросу церковной реформы в 1905-1906 годах. Не было прямого вопроса о **переводе** богослужебных **текстов**, но 30 архиереев, ровно 30 архиереев дали предложения по этому поводу. Из них только один, в противоречии, впрочем, с мнением своей епархии, — это архиепископ Красноярский Ефимий (Щаснев) — дал отрицательный отзыв. Все остальные 29 сказали, что перевод необходим, из них кто-то считал, что новый **перевод** славянский, а кто-то, скажем, как Архангельский епископ Иоаникий, сказал, что просто **на русский язык**, народ надо готовить. И вот уже в 1908 году мнение большинства духовенства совпадало с мнением архиереев. На известном миссионерском съезде в Киеве, который был очень консервативно настроенным, там председательствовал архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий), и вы знаете, что была очень резкая критика этого съезда, так вот они приняли резолюцию, где считали, что это уже необходимо в русской церкви. С 1911 года существует уже храмовое богослужение на русском языке по благословению правящего архиерея, это впервые случилось в Самарской епархии, священник Николай Пономарев, подробно об этом рассказано в «Самарских епархиальных ведомостях» того же года и в «Полтавских епархиальных ведомостях» 1912 года. И, может быть, самая последняя фраза, что те люди, которые были воспитаны в дореволюционных духовных школах, к этому вопросу имели достаточно однозначное отношение, и когда на Соборе 1917-18 года 19 сентября 1918 года было принято решение о допущении великорусского и малороссийского языков в богослужении, это никого уже не удивляло. Скажем, очень важно, что епископ Афанасий (Сахаров) был сторонником **перевода на русский язык**.

А завершаю я цитатой человека, который на Соборе больше всех послужил тому, чтобы был сделан перевод богослужения на русский язык. Это протопресвитер Александр Хотовицкий, канонизированный, вы знаете. Его выступление прозвучало примерно так, как выступление архимандрита Иллариона (Троицкого) по вопросу о патриаршестве, оно очень многих вдохновило. Он был деятельным сторонником принятого решения и сотрудником, как вы помните, патриархов Тихона и Сергия, в будущем. Расстрелян в 1937 году. Вот что он сказал: «Перевод безусловно необходим, ибо изгонять верующих из церкви из-за непонимания славянского языка преступно. Даже мы, священники, знакомые со славянским языком, часто встречаемся с такими местами славянского текста, которые нам совершенно непонятны, и вместо сознательной молитвы понапрасну ударяем звуками в воздух. Вообще закрывать двери православия отказом введения русского языка в богослужение из-за красоты формы славянского языка нецелесообразно. Примеры перевода некоторых книг за границей дали блестящие результаты. Из достоинства славянской речи еще не следует отрицание перевода книг, а равно богослужения и молитв на русский язык, ибо таким образом мы бережем золотник, а теряем пуд».

http://www.slowo.ru/stat5_5.html